

Заглавие статьи	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ (ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1918 Г.)
Автор(ы)	Б. Н. ЗЕМЦОВ
Источник	Российская история , № 5, 2006, С. 65-74
Рубрика	• Статьи
Место издания	Москва, Россия
Объем	42.5 Kbytes
Количество слов	5466
Постоянный адрес статьи	http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/10284355

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ (ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1918 Г.)

Автор: Б. Н. ЗЕМЦОВ

Проблема возникновения правовых основ советского общества является одной из немногих, которые по-прежнему остаются в тени. Раньше большого интереса к ней не могло быть в силу того, что власть не допускала каких-либо дискуссий по этому ключевому политическому вопросу и любая трактовка конституций или конституционных законов, помимо официальной, была бы расценена как антисоветская пропаганда со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Публикации, посвященные первой советской Конституции 1918 г., появились в том же году. Это были небольшие брошюры, разъясняющие широким массам ее основные положения¹. В начале 1920-х гг. вышли в свет работы бывших членов Конституционной комиссии ВЦИК М. А. Рейснера и Г. С. Гурвича². В основном в них излагались теоретические взгляды правящей партии на государство, парламентаризм, избирательную систему, сущность советской Конституции. В то время государственный механизм стран Запада действительно давал много поводов для критики, тогда как для анализа советского государственного механизма необходимого материала еще не хватало. Поэтому указанные работы получились апологетическими, хотя и искренними. Приблизительно такого же типа оказалась и книга С. Л. Ронина, опубликованная в 1948 г.³ Этот труд стал самым серьезным и глубоким в историографии первой советской Конституции. Он наполнен большим фактическим материалом, раскрывающим политическую ситуацию 1917 - 1918 гг. и работу Конституционной комиссии ВЦИК. Но проанализировать конституционную практику, сравнить ее с ситуацией в других странах, убедиться самому и убедить других в том, что в СССР действительно создан высокий уровень демократии и более эффективный государственный механизм, чем на Западе, Ронин, конечно, не мог.

Во второй половине 1950-х гг. забрезжила возможность пересмотра сложившихся стереотипов, однако дело ограничилось лишь отказом от преувеличения роли И. В. Сталина в строительстве советского государства, так что публикации последующих десятилетий по-прежнему носили в основном пропагандистский характер⁴. За последние 15 лет по этой проблеме опубликованы учебное пособие и две статьи⁵. В учебном пособии О. И. Чистякова отмечается, что Конституция 1918 г. сыграла в истории нашей страны исключительно важную роль: в ней были намечены основные направления развития советского государства и общества - ликвидация эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, создание союза трудящихся всех наций

России и др. В Конституции были закреплены основы нового государственного устройства и общественных отношений, она явилась юридической базой для дальнейшего текущего законодательства Советской России. Впервые к анализу первой советской Конституции Чистяков обратился 20 лет назад⁶. Теперь он "стремился исправить ошибочные и неточные положения", закрепившиеся в историографии вопроса⁷. И все-таки сделанные Чистяковым выводы вызывают некоторое разочарование. Создававшие в 1918 г. Конституцию люди не знали, чем она обернется через годы и в какой степени будет воплощена в жизнь. Это давало им право на публикации. Чистяков же все это знал, и вполне логично было бы попытаться найти теоретические и правовые корни трагедий советского общества и его государственного устройства, однако автор пособия этого не сделал. Определенное внимание Конституции 1918 г. уделено в работах, посвященных советскому конституционному праву в целом⁸. Но для

* **Земцов Борис Николаевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

стр. 65

такого рода обобщающих работ характерно скорее поверхностное описание нежели глубокий научный анализ.

Отсутствие интереса к анализу Конституции 1918 г. и большевистского права в целом можно объяснить низкой правовой культурой современного общества, что оказывает негативное влияние и на академические круги, антибольшевистская методология 1990-х гг., изначально списывавшая все грехи на В. И. Ленина и его партию, себя во многом изжила, а к более глубокой - исследователи только подходят. Сейчас уже очевидно, что следует отойти от восторженной оценки западного опыта и объективно посмотреть на свой собственный, обусловленный спецификой нашей страны, которая существенно отличалась от Англии, Франции и США, давших классические примеры буржуазной демократии, в которой тем не менее было немало изъянов.

Если обратиться к истории, то нужно прежде всего подчеркнуть, что в конце XIX - начале XX в. из электорального поля на Западе еще были исключены женщины, а право голоса у мужчин было обусловлено обладанием собственностью. Всеобщее мужское избирательное право появилось в Новой Зеландии (1893 г.), затем в Финляндии (1906 г.), Норвегии (1913 г.) и Дании (1915 г.). Лишь в 80-е гг. XIX в. в Германии (впервые на Западе) у государства появились социальные функции: в 1883 г. были приняты законы о страховании на случай болезни, установлены пенсии по старости и инвалидности, а в 1884 г. - при несчастных случаях. Не нужно также забывать, что к началу XX в. парламентаризм на Западе уже утратил свою привлекательность. "Хочу монархию, - писал в 1917 г. Томас Манн, - предельно независимое правительство, потому что оно только одно и способно обеспечить защиту в духовной и экономической сфере. Не хочу этих партийных политических сделок, удручающих всю нацию. Не хочу политики. Хочу профессионализма, порядка и порядочности"⁹.

Существуют разные точки зрения на время зарождения идеи конституционализма в России. Одни видят ее корни уже в "Поучении" Владимира Мономаха и "Молении" Даниила Заточника¹⁰, другие - в государственном механизме Новгородской республики¹¹, третьи - в решении Стоглавого собора 1551 г.¹² Большинство же историков вполне

обоснованно относят ее появление к XVIII в.¹³ До сих пор идут споры и о том, можно ли считать реальной конституцией новую редакцию Основных законов Российской империи, обнародованную 23 апреля 1906 г. и ограничивавшую власть императора. Многие историки до сих пор считают ее квазиконституцией, поскольку реальные права Николая II оставались еще гораздо большими, чем права западных конституционных монархов, а права Государственной думы, по сравнению с парламентами ведущих стран Запада, были сильно урезаны. Однако в наши дни все чаще можно встретить определение Основных законов 1906 г. как первой конституции России, а Государственной думы - как парламента. Этой точки зрения придерживаюсь и я.

Правда, в императорской России с ее крайне низкой правовой культурой подавляющего большинства населения, явно недостаточным развитием института частной собственности, произволом чиновников и почти полным отсутствием до 1905 - 1906 гг. гражданских прав и свобод идеи конституционализма не получили широкого развития. Правосознание российского общества в целом и интеллигенции в частности представляло собой смесь западноевропейских либеральных и отечественных народнических идей с сильным налетом анархизма. Правовой нигилизм интеллигенции шел от ее неуважения и даже презрения к власти и веры в созидательную силу революции и стихийного политического творчества народных масс. Революционеры всех направлений были убеждены в том, что источником народных бед является эксплуататорское государство, будь то самодержавие, конституционная монархия или даже буржуазная республика. Поэтому никто из них не пропагандировал идеалы правового государства, ориентируясь на будущее народное самоуправление, основой которого считалась, прежде всего, крестьянская община. В ходе революции 1905 - 1907 гг. в России возникли Советы рабочих, а также крестьянских и солдатских депутатов, с установлением власти которых в результате революции социал-демократы ленинского направления связывали будущее страны. Лозунг "Вся власть Советам!" стал главным девизом Октябрьской революции 1917 г.

стр. 66

В течение ноября-декабря 1917 г. большевики приняли серию нормативно-правовых актов, имевших конституционное значение. Они регулировали экономические основы нового строя, национально-государственного устройства Советской России, механизм функционирования советского государства, правового положения граждан. Ключевым правовым документом первых месяцев большевистской власти была "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа", написанная Лениным 3 января 1918 г. Заметим, что в высшем большевистском руководстве имели юридическое образование и до революции работали по специальности только он и Н. Н. Крестинский. Л. Б. Каменев учился на юридическом факультете менее двух семестров, Г. Е. Зиновьев и А. И. Рыков - меньше одного. Юридическое образование имели также М. С. Урицкий и П. И. Стучка. Если учесть, какое значение имел указанный выше документ, то становится понятным, почему автором Декларации стал сам лидер большевиков и глава советского правительства. Двухмесячный разрыв во времени между II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и написанием Декларации объяснялся тем, что документы уровня Декларации должно было принимать Учредительное собрание и опубликование их каким-либо другим органом считалось бы нелегитимным. Но 6 января 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание и теперь должны были заявить о своих исторических целях. Свою Декларацию они внесли на обсуждение III Всероссийского съезда Советов, состоявшегося в январе 1918 г. В ней

определялись политические и экономические основы нового государственного строя, намечались основные принципы внутренней и внешней политики Советской России. Поскольку на съезде еще присутствовали делегаты от других социалистических партий, то обсуждение Декларации растянулось на 2 дня.

Между тем в ходе обсуждения национального вопроса народный комиссар по делам национальностей Сталин высказал мысль о создании основ советской Конституции. Правда, он тут же уточнил: "Пока еще не кончилась борьба между двумя политическими течениями: националистической контрреволюцией, с одной стороны, и советской властью - с другой, до тех пор не может быть и речи об отчеканенной резолюции, ясно и точно определяющей все детали государственного устройства союзных советских республик"¹⁴. Но левых эсеров, тогдашних партнеров большевиков по правительственному блоку, волновало в то время положение местных органов власти, правовое закрепление их дистанцированности от центральных органов власти¹⁵. В результате появилось постановление III съезда Советов "О федеральных учреждениях Российской республики", где в пункте 6 говорилось о необходимости разграничения полномочий между местными Советами и центральными органами власти, а в пункте 7 - о закреплении этих основ в Конституции¹⁶.

В течение последующих двух с половиной месяцев большевики о поручении III съезда не вспоминали. 1 апреля на заседании ВЦИК Я. М. Свердлов объяснил это тем, что все "были заняты другой работой"¹⁷. Между тем, к весне 1918 г. страна распалась на ряд самостоятельных советских республик с собственными правительствами¹⁸. Все они считали себя независимыми и СНК во главе с Лениным не подчинялись. Это означало, что система власти, построенная на передаче основных властных функций низовым органам, пришла в противоречие с потребностями централизованного государства. И из этого тупика требовался какой-то выход. 30 марта пленум ЦК, наконец, создал комиссию при ВЦИК для разработки Конституции. Ее председателем стал Свердлов. Это был человек с неполным средним образованием. Ни до назначения на этот пост, ни после никаких теоретических статей он не писал и о содержании конституции других стран вряд ли знал вообще. Задачу комиссии Свердлов видел в том, чтобы, во-первых, "устранить остатки парламентаризма" и на их месте создать систему самоуправления народа, а во-вторых, разграничить сферы ведения СНК и ВЦИК¹⁹.

Ни Свердлов, ни другие члены Конституционной комиссии поручению ВЦИК особого значения не придали. Например, тот же Свердлов основное внимание уделял работе во ВЦИК, а председателем Конституционной комиссии только числился. Привлеченный к работе в комиссии от Наркомата внутренних дел В. И. Лацис совмещал рабо-

стр. 67

ту в ВЧК и в коллегии НКВД. Н. И. Бухарин оказался единственным из членов комиссии, кто всерьез интересовался и занимался теоретическими проблемами марксизма. Тем не менее и он другие свои обязанности считал более важными и на заседания комиссии не ходил. Таким образом, в течение апреля-июня 1918 г. комиссия собиралась всего 11 раз, а непосредственной подготовкой текста Конституции занимались 7 - 8 человек (прежде всего Ю. М. Стеклов)²⁰. Основным содержанием развернувшейся дискуссии стали вопросы территориально-административного устройства: эсеры предлагали основной объем властных функций передать местным Советам и трудовым коммунам, большевики, наоборот, - центральным органам власти. Поскольку процентов на 80% комиссия состояла

из большевиков, в ходе голосования по структуре Конституции, ее содержанию и отдельным формулировкам они и побеждали.

Через несколько лет, уже в эмиграции левый эсер А. Шрейдер назовет Конституцию 1918 г. "диспозицией большевистской атаки"²¹. Список вопросов, подлежавших ведению большевистского центра, левые эсеры посчитают непомерно большим. Они разработают свой проект с разделами "О пределах власти и об обязанностях местных и центральных органов власти" и "О предметах ведения центральной власти"²², придут к пониманию того, что власть - это не право командования, а возможность исполнения обязанностей перед народом и что всякая политическая и административная конкуренция в этом деле идет только на пользу. Но тогда, в 1918 г. эсеры еще плохо понимали, чем может обернуться демократия в стране с недемократической культурой, и переломить ситуацию в Конституционной комиссии особенно не пытались.

К началу работы V съезда Советов комиссия ВЦИК явно не успевала выполнить поручение III съезда Советов. Для ускоренной подготовки проекта 28 июня ЦК РКП(б) создал свою комиссию во главе с Лениным, который внес в предложенный проект поправки, а на полях сделал пометки²³. Но, судя по тому, что текст поправок и пометок не опубликован, они вряд ли были существенными. 3 июля проект появился в "Известиях ВЦИК". На следующий день открылся V съезд Советов. В ряду обсуждаемых проблем Конституция оказалась на последнем месте. 10 июля - в заключительный день работы съезда от имени редакционной комиссии выступил Стеклов. К этому времени большевики арестовали 2/5 делегатов съезда - левых эсеров. Дискуссии не было, все ограничилось выступлением Стеклова и члена фракции максималистов Полянского. Ни тот, ни другой теоретиками не являлись и всей важности проблемы понять не могли. Менее чем за час Конституция была принята.

Надо сказать, что, взяв власть, большевики довольно быстро пришли к выводу, что система самоуправления народа, которая восходит к идеям Ж. Ж. Руссо и которую они в первых своих декретах пытались провести в жизнь в России (передача земли в распоряжение Советов крестьянских депутатов и земельных комитетов на местах, установление рабочего контроля, ведение выборных солдатских комитетов в армии и т.д.), в условиях нашей страны может иметь ряд крайне негативных последствий. Она была возможна в небольших странах с достаточно однородным составом общества, единой культурой, идеалами и ценностями. В условиях многонациональной и многоукладной России продолжение курса на создание такой системы грозило фетанизацией региональной и национальной специфики с последующим распадом страны. Поэтому уже в 1918 г. большевики начали сворачивать общественную систему самоуправления.

Уже в марте 1918 г. на VII съезде РКП(б) было принято решение об изъятии у Советов ряда властных функций, а к лету того же года власть на местах фактически перешла к комитетам РКП(б) и к работавшим под их руководством ревкомам и ЧК. Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. отобрал у солдат право выбирать своих командиров, а 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление "О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную армию", что означало отказ от идеи всеобщего вооружения народа. Рабочее самоуправление свернули без каких-либо специальных декретов путем постепенного перехода управления предприятиями к ВСНХ. В марте 1918 г. нарком внутренних дел Г. И. Петровский поставил вопрос о комплектовании милиции на штатных началах, что и было сделано в июне 1918 г.

Однако большевики полагали, что неудача с созданием системы самоуправления народа является временной, и поэтому в свою первую Конституцию заложили идеи, от которых на практике уже отказались. Выступая на V съезде Советов, Стеклов говорил: "Наша Конституция является первой в мире попыткой вылить в формулах государственного права стремление рабочих, крестьян и всех угнетенных положить навсегда конец политическому и экономическому неравенству. Вот почему вообще можно сказать, что наша Конституция действительно вырабатывалась самим трудящимся народом в процессе борьбы... Это происхождение и этот характер нашей советской Конституции определяет главные принципы, положенные в ее основу. Вы знаете, и Декларация прав это показала, что основная цель, к которой стремится Советская Россия - это уничтожение буржуазного режима, уничтожение эксплуатации и угнетения человека человеком, установление такого строя, при котором все богатства, созданные трудом рабочих и крестьян, принадлежат всему народу, объединенному в братский трудовой коллектив, и при котором вся власть принадлежит этому объединенному трудовому народу. Когда этот социалистический строй окончательно упрочится, когда коллективный труд свободного объединенного человечества создаст колоссальные производительные силы, тогда возможно будет установить и полный коммунизм и осуществить целиком тот принцип, к которому всегда тяготели симпатии угнетенных: "От каждого по способностям и каждому по потребностям". Тогда возможно будет осуществить и политическую сторону нашего коммунистического идеала - устранить из общественной жизни всякий элемент властвования, принуждения и угнетения, т.е. государственного" ²⁴.

К написанию раздела Конституции о государственном устройстве большевики подошли достаточно небрежно. В соответствии со ст. 10 властью в стране становились Советы: "Вся власть в пределах... республики, принадлежащей всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах". Раскрывая это положение, один из членов Конституционной комиссии ВЦИК М. А. Рейснер позднее запишет, что "каждый местный Совет признавался не только органом самоуправления в определенных территориальных рамках, но, прежде всего, носителем верховной власти, образующим путем делегаций все здание высших органов" ²⁵. Но ст. 12 Конституции нейтрализовывала ст. 10, превращала ее в политический лозунг, и "верховой властью" (а в ст. 24 употреблялось выражение "высшая власть") наделяла Всероссийский съезд Советов. Ст. 32 эту власть предоставляла также ВЦИКу. При этом власть центральных органов ничем не ограничивалась. В ст. 49 лишь отмечалось, что эти органы решают "вопросы общегосударственного значения", а в ст. 50 отмечалось, что "сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению". На практике же полномочия центральных органов власти оказались еще более широкими, поскольку через статьи о налогах и бюджетах они фактически устанавливали свою финансовую монополию. Например, в ст. 88 говорилось, что "в случае недостаточности местных средств для покрытия неотложных расходов пособия или ссуды из средств государственного казначейства местным Советам разрешаются Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов и Советом народных комиссаров". Лозунг "Вся власть Советам!" без финансовой автономии тогда превращался в фикцию.

В идеале высшие органы власти в РСФСР должен был формировать на выборных началах сам народ. И большевики всегда подчеркивали, что съезд Советов обретает свой высокий статус именно на том основании, что состоит из представителей народа. Однако здесь возникает следующая проблема - проблема выборов. Каким образом формируется

делегатский корпус? Какая система позволяет отобрать лучших из лучших - мажоритарная или пропорциональная? В условиях XX в., когда все социальные группы достаточно полно и ясно определили свои политические цели, зафиксировав их в партийных программах, конечно, лучшей системой являлось пропорциональная (многопартийная). Между тем свободные и демократические выборы делегатов Учре-

стр. 69

дительного собрания показали, что при проведении всеобщих и равных выборов большевики терпят поражение. Поэтому они постарались исключить подобные варианты.

Конституция 1918 г. закрепила многоступенчатую систему выборов: прямыми были только выборы в сельские и городские Советы, тогда как выборы на губернский съезд Советов проходили уже в 3 этапа. Порядок выборов (тайное или открытое голосование) определен не был. В гл. 14 говорилось, что "выборы проводятся согласно установившимся обычаям". В таких условиях разница в представительстве крестьян и горожан уже не имела большого значения, поскольку большевики манипулировали избирательным процессом как хотели. В равной степени не имело существенного значения и лишение определенных социальных групп избирательных прав. Всего таких "лишенцев" оказалось приблизительно 5 млн. человек. Это было меньше, чем в дореволюционной России, и меньше (в процентном отношении), чем в западных странах. Поэтому такое ограничение избирательных прав было бы даже определенным шагом вперед, если бы не запрет на политическую деятельность всех партий, жесткий контроль за проведением выборов.

В конечном счете механизм проведения выборов зависел даже не от содержания скупой главы 14 Конституции, а от конституционных законов о выборах, которые должны были быть приняты во исполнение Конституции. Конституционные законы во всех странах многократно важнее самой Конституции. Такова практика. Большевиков же интересовала не процедура выборов в Советы, а сохранение там своего влияния. Обосновать это юридически не представлялось возможным. Поэтому еще в ноябре 1917 г. партией "врагов народа" были объявлены кадеты, 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил из своих рядов представителей меньшевиков и правых эсеров и рекомендовал сделать то же самое всем местным Советам. В результате избиратели по-прежнему имели право голоса, но утрачивали право выбора. В итоге выборы превращались в фикцию, а съезды Советов - в собрание представителя интересов меньшинства населения. Такая ситуация толкала многие слои населения на достижение своих целей незаконным путем. В конкретных условиях России того времени это означало гражданскую войну.

Кроме того, следует иметь в виду, что съезд Советов не являлся постоянно действующим органом, а число их делегатов составляло приблизительно полторы тысячи человек. Такой орган представлял собой длившийся несколько дней митинг. В лучшем случае делегаты съездов Советов успевали лишь вникнуть в суть предложенных им на утверждение декретов. Работать же над самим текстом закона они не могли из-за нехватки времени и отсутствия опыта. Из этого тупика можно было выйти путем создания постоянно действующего, избранного съездом Советов Всероссийского центрального исполнительного комитета. Современные парламенты в каждой из палат насчитывают по несколько сот человек (в нижней палате Польши - 450, Японии - 500, Италии - 630, Англии - 659 и т.д.)²⁶. ВЦИК состоял приблизительно из 200 человек. Даже в качестве однопалатного и однопартийного органа он смог бы соответствовать своему предназначению, однако и ВЦИК советским парламентом не стал.

В ноябре 1918 г. на VI съезде Советов в Конституцию была внесена поправка, согласно которой ВЦИК переставал действовать как постоянный орган и должен был собираться на сессии 1 раз в 2 месяца. Это решение обосновывалось тем, что в условиях Гражданской войны значительная часть членов ВЦИК находилась за пределами Москвы и не могла выполнять свои обязанности. Функции ВЦИК передавались вновь созданному Президиуму ВЦИК, который и стал постоянно действующим законодательным органом. Его численность составляла приблизительно 80 человек. Таким образом, власть в огромной стране оказалась в руках узкой группы правых нигилистов.

Весной 1918 г. в статье с символическим названием "Конституция гражданской войны" П. И. Стучка писал: "...Переходная эпоха, в которой "только движение постоянно", не укладывается в твердые рамки писаного закона". В эту переходную эпоху "государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата, а диктатура пролетариата как-то плохо вяжется со словами "писанный закон"²⁷. При та-

стр. 70

ком подходе к праву нарушение большевиками собственной Конституции становилось лишь вопросом времени.

Периодичность работы парламента на Западе с XVII в. является своего рода аксиомой. Сама возможность созыва парламента без оглядки на иные государственные органы является чуть ли ни основным препятствием для появления нового тирана. И хотя отношение большевиков к съездам Советов имело иную природу, чем отношение к парламентам на Западе, они также внесли в Конституцию положение о том, что съезды Советов должны созываться не менее двух раз в год. В 1918 г. это положение было выдержано, но в 1919 и 1920 гг. состоялось только по одному съезду. Меньшевик Ю. О. Мартов попытался на VII съезде Советов привлечь внимание своих бывших товарищей к факту этого вопиющего произвола: "Со времен VI съезда Советов прошел год с лишком. Между тем, согласно точному указанию советской Конституции, съезды должны созываться через каждые 6 месяцев, - заявил он. - Если бы этот факт нарушения советской Конституции оставался единичным и случайным, дело было бы поправимо. На деле управление страной в течение года без помощи высшего органа советской иерархии лишь увенчало собой целую систему нарушений, которые постепенно сводят на нет все то, что в советской государственной организации являлось наиболее жизненным и ценным с точки зрения интересов пролетариата. Не созывался ни разу съезд, но не созывался за этот год и ЦИК (Троцкий: "Он был на фронте"), это по Конституции высший орган управления в промежутке между съездами. Почти ни один декрет, вышедший за этот год, не обсуждался и не голосовался в ЦИК. От имени последнего в самых важных актах внутренней и внешней политики выступает его президиум, когда декреты проходят прямо от имени Совета народных комиссаров или экстренно созданных органов власти, совершенно не предусмотренных Конституцией и созданных опять-таки помимо ЦИК. В результате такого положения Совет народных комиссаров перестал быть учреждением подотчетным и регулярно контролируемым, каким он является согласно советской Конституции. Самое перемещение народных комиссаров и назначение новых уже совершается помимо ЦИК. Точно такое же перерождение органов власти совершается повсюду на местах. Уездные и городские Советы собираются в самых редких случаях и для решения менее важных дел (Голоса: "Ложь, неправда") и т.д. Вся полнота власти и все управление на местах сосредоточилось в неконтролируемых представителями рабочих и

крестьян исполкомах, редко избираемых. Переизбрание самих Советов совершается все реже и реже. В Москве уже полтора года не было выборов"²⁸.

Выступление Мартова вызвало у делегатов съезда бурю негодования. Между тем в течение 1919 - 1920 гг. большевики действительно перечеркнули идею непосредственного участия масс в управлении государственным. Помимо несозыва всероссийских съездов Советов, они допустили целую серию нарушений Конституции, причем делалось это на вполне законных основаниях: VI съезд Советов постановлением "О точном соблюдении законов" разрешил советским органам и должностным лицам отступать от законов в ситуации, вызванной условиями Гражданской войны и борьбой с контрреволюцией. Ни Ленин, ни кто-либо другой из его ближайших соратников никакой беды в этом не видели. В 1920 г. на VIII съезде Советов Ленин даже не оправдывался, а спокойно объяснял: "До сих пор мы работали в Совете труда и обороны без всякой конституции. Рамки ведения Совнаркома и Совета труда и обороны были плохо определены; иногда мы выходили за пределы и поступали как законодательное учреждение. Но на этой почве ни разу не было конфликтов. Мы решали эти случаи немедленным перенесением их в Совнарком"²⁹. Не было ни одного закона, вводившего правовую ответственность для членов Политбюро, ЦК РКП(б) или Совнаркома. Даже А. В. Луначарский, считавшийся самым интеллигентным из большевистских руководителей, не постеснялся написать: "Законы Конституции не распространяются на ЦК"³⁰.

Характерно, что в советской России тех лет не было никаких механизмов защиты Конституции и внесения поправок в ее текст. Не случайно нарком юстиции П. И. Стучка еще в январе 1918 г. писал, что для большевиков неприемлема практика, когда су-

стр. 71

ществует какой-то единый "толкователь законов" и что следует "бороться против учреждения суда типа американского, уполномоченного судить даже о конституционности законодательных актов"³¹. Такой подход открывал дорогу самым разным нарушениям законности и правовым злоупотреблениям, примеров которых в советский период было более чем достаточно.

Важным отличием советской Конституции от западных (после ограничения власти правом) являлось отсутствие в ней механизма защиты прав и свободы человека. В России с ее общинной культурой куда большее значение, нежели права и свободы человека, имели интересы общества в целом, патернализм, духовность. В народной толще все эти ценности присутствовали в виде традиций и обычаев. В публицистике и науке их значимость обосновывали М. Н. Катков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров и др. Все они полагали, что коллективизм укрепляет общество, а личные свободы его губят. "Поменьше так называемых прав, - писал Леонтьев, - поменьше мнимого блага! Вот в чем дело! Тем более что права-то, в сущности, дают очень мало субъективного блага..."³².

Тем не менее уже в первой российской конституции 1906 г. была целая глава "Права и обязанности российских подданных". Однако в глазах большевиков, которые имели возможность оценить и короткий, весьма специфический опыт отечественного конституционализма в рамках дуалистической "думской монархии" (1906 - начало 1917 гг.), которая явно "не дотягивала" до конституционных монархий и тем более буржуазных республик на Западе, и "образцовую" по тем временам западную демократию англо-

франко-американского типа, права человека и гражданина носили сугубо формальный характер, поскольку не были подкреплены социальными гарантиями со стороны государства. Сторонники Ленина привыкли оперировать такой универсальной, по их мнению, категорией, как Класс, тогда как отдельно взятая личность представлялась им чем-то второстепенным, а ее права отступали на второй план перед правами коллектива. Поэтому в ходе разработки проекта первой советской Конституции большевики исходили из того, что в социалистическом обществе не может быть "индивидуальных прав". В результате, специального раздела о правах и свободах в Конституции 1918 г. не оказалось. В ст. 15 содержалось лишь более общее положение о политических свободах для трудящихся: право на собрания, митинги, шествия и использование для собраний "помещений с обстановкой, освещением и отоплением", а в ст. 16 речь шла о праве трудящихся на создание союзов. Вряд ли нужно повторять, что все эти права носили сугубо классовый характер, тогда как равноправие связывалось только с расовой и национальной принадлежностью граждан. Не упомянуть об этом в Конституции было бы по меньшей мере неприлично, поскольку аналогичные требования содержались еще в программе РСДРП 1903 г. При самодержавии такие права были нужны большевикам для неограниченной критики существующего строя и облегчения условий для своей деструктивной работы. После октября 1917 г. ситуация в корне менялась, и большевики отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы кто-то мог свободно вести работу по подрыву их власти.

Взяв курс на расширение социальных прав трудящихся (на труд, отдых, образование, медицинскую помощь, социальное обеспечение в случае болезни и в старости), большевики, на первый взгляд, делали качественный скачок в борьбе за лучшую жизнь для всех людей³³. Однако отрыв политических и социальных прав от гражданских (неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, права на участия в выборах центральных и местных органов власти и т.д.) и лишение или ограничение прав так называемых нетрудовых элементов советского общества ставили под вопрос широко разрекламированные преимущества советской демократии перед буржуазной. Кроме того, порожденная Первой мировой и Гражданской войнами хозяйственная разруха существенно ограничила возможности советского государства в ликвидации социального неравенства граждан. Вдобавок государство диктатуры пролетариата применяло насилие не только к классово чуждым и враждебным элементам, но и к самим трудящимся - рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции. На практике большеви-

стр. 72

ки стремились не к улаживанию социальных конфликтов на правовой основе, а к уничтожению самих носителей этих конфликтов. В этой ситуации возникла и опасность неограниченного вмешательства государства в жизнь общества в виде установления контроля за исполнением частными работодателями трудового законодательства, определения социальных групп, нуждающихся в льготах и поддержке и т.д. Иначе говоря, здесь таилась угроза перерастания классовой диктатуры в тоталитаризм с установлением режима личной власти вождя и почти поголовным равенством граждан в нищете, что и произошло в СССР с конца 1920-х гг.

Итак, в июне 1918 г. большевики законодательно оформили основы государственного механизма, политической системы и общественных отношений. Все эти вопросы действительно относятся к сфере конституционного права, и в этом плане основной закон советского государства может именоваться конституцией. Однако в результате его

применения в стране так и не возникли ни правовое государство, ни гражданское общество. Конституционализма в общепринятом в современной науке понимании как самоограничения власти в СССР практически никогда не существовало. Здесь не было ни подлинного народовластия, ни парламентаризма, ни разделения властей. В отличие от американской и французской конституций, предназначенных для регулирования государственного механизма ради обеспечения прав и свобод человека, большевистская Конституция 1918 г. предназначалась для решения социальных проблем, главной из которых считалась ликвидация эксплуатации человека человеком. Работе государственного механизма было уделено там минимальное внимание, поскольку, в соответствии с большевистскими представлениями о социализме, он должен был исчезнуть в ближайшем будущем. Оставленный же без какого-либо контроля, без системы сдержек и противовесов, советский государственный аппарат буквально в течение нескольких месяцев подавил все остальные политические институты.

После окончания Гражданской войны уничтожение демократии и политической оппозиции даже из бывших товарищей (в лице меньшевиков и эсеров) исключало возможность каких-либо дискуссий, и Конституция 1918 г. практически без изменения была перенесена в Конституцию СССР 1924 г.

Примечания

¹ См.: Г л е б о в Н. Наш основной закон. Разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918; К р у п с к а я Н. К. Конституция Российской Социалистической Федеративной Республики. М., 1918.

² Р е й с н е р М. А. Основы советской Конституции. М., 1920; Г у р в и ч Г. С. Основы советской Конституции. Смоленск, 1921.

³ Р о н и н С. Л. Первая советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 года). М., 1948.

⁴ См.: А в а к ъ я н С. А. Библиография конституционного и муниципального права. М., 2002.

⁵ Ч и с т љ к о в О. И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 2003; И с а е в а Т. С. К 80-летию Конституции РСФСР 1918 г. (исторический аспект) // Проблемы государственного строительства и правового регулирования. Владивосток, 1999. С. 146 - 158;

Ч у р а к о в Д. О. Первая советская Конституция: проблемы государственности и демократизма // Диалог. 1998. N 10. С. 13 - 20.

⁶ Ч и с т љ к о в О. И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984.

⁷ Ч и с т љ к о в О. И. Указ. соч. М., 2003. С. 9.

⁸ А в а к љ я н С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.

⁹ Цит. по кн.: Ш а й о А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 2001. С. 123.

¹⁰ К р а с н о в Ю. К., М о к р ы й В. С. Государственное строительство в России: история и современность. М., 2001. С. 211.

¹¹ Л у к ъ я н о в а Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917 - 1993). М., 2000; П а р х о м е н к о А. Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. М.: 1998; Л и х о б а б и н В. А., П а р х о м е н к о А. Г. Российский конституционализм. История. Современность. Перспективы. М., 2000. С. 19.

¹² П у з д р а ч Ю. В. Становление конституционализма в России. М., 2001. С. 93.

стр. 73

¹³ С о л о в ъ е в С. М. Императорские советы в России в XVIII веке // Русская старина. 1870. N 2. С. 7 - 12; е г о ж е . Сенат в начале царствования императрицы Екатерины II//Древняя и новая Россия. 1875.N 1; М и л ю к о в П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1 - 3. СПб., 1903 - 1904; Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000; М у р а в ъ е в а Л. А., Т к а ч е н к о Е. Н. История конституционализма в России (XIX-XX века). М., 2000.

¹⁴ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С.78 - 79.

¹⁵ Ч и с т я к о в О. И. Указ. соч. М., 2003. С. 19.

¹⁶ Третий Всероссийский съезд... С. 94.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Доклад о деятельности народного комиссара внутренних дел // Исторический архив. 1956. N 5. С. 75.

¹⁹ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Пг. 1918. С. 67.

²⁰ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. Автобиографии и биографии. Т. 3. М., 1989. С. 127.

²¹ Республика Советов. Берлин; Милан. 1920. С. 32.

²² Там же. С. 80 - 81.

²³ Л е н и н В. И. ПСС. Т. 36. С. 720.

²⁴ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет. Москва, 4, 10 июля 1918 г. М., 1918. С. 184 - 185.

²⁵ Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 41. Вып. 1. С. 258.

²⁶ Ч и р к и н В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2002. С. 267.

²⁷ Пролетарская революция и право. 1918. N 3 - 4. С. 15.

²⁸ 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет (5 - 9 декабря 1919 года, Москва). М., 1920. С. 60 - 61.

²⁹ Л е н и н В. И. ПСС. Т. 42. С. 155.

³⁰ Л у н а ч а р с к и й А. В. Письмо Ленину от 13 января 1922 г. // Власть и интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б). ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике. М., 1999. С. 33.

³¹ С т у ч к а П. И. Избрание произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига. 1964. С. 227 - 229.

³² Л е о н т ь е в К. Н. Византизм и славянофильство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб., 1991. С. 290.

³³ 29 октября 1917 г. был установлен 8-часовой рабочий день, 24 декабря принято решение о страховании на случай безработицы, 5 февраля 1918 г. появился декрет ВЦИК "О страховании на случай болезни", 14 июня 1918 г. СНК ввело ежегодные оплачиваемые двухнедельные отпуска рабочих и служащих и т.д.

стр. 74

постоянный адрес статьи: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/10284355>